

Усачук А.Н., Подобед В.А.,
Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В.

РАСКОПКИ КУРГАНА СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АЭРОПОРТА ГОРОДА ДОНЕЦКА

В статье вводятся в научный оборот материалы кургана срубной культуры, исследованного на территории аэропорта г. Донецка. Курган содержал два социально неординарных погребения. Одно из них демонстрировало очень редкий в срубной культуре обряд полного расчленения трупа, сопровождавшийся выламыванием верхней и нижней челюстей.

В мае – июне 2007 г. археологической экспедицией ДП «Научный союз Донбасса» ГП «Научно-исследовательский центр «Охранная археологическая служба Украины» проводились археологические исследования кургана 1 («Аэропорт») на территории оборудования взлетной полосы Донецкого аэропорта. Курган был выявлен во время разведок 1998 г. экспедицией Донецкого областного краеведческого музея¹.

Участок, на котором располагался курган, находится на территории Спартаковского сельского совета Ясиноватского р-на, 1,4 км на СЗ от с. Веселое, на водоразделе между балками Водяная и Вербовая, левых притоков р. Волчьей (координаты: 48°04'26,73" СШ, 37°42'22,96" ВД).

Курган размещался на волне рельефа, которая круто понижается к югу и более плавно – к западу и северу. Волна рельефа тянется в восточную сторону (территория взлетно-посадочной полосы современного аэропорта).

Курган имел насыпь изначально округлой в плане формы диаметром 22-24 м и высотой до 1,1 м (рис. 1). К моменту раскопок она была задернована. Курган достаточно долго подвергался распашке, что сказалось на уменьшении его высоты. Центр насыпи занимала триангуляционная вышка. Северная пола кургана была разрушена заплывшими современными траншеями; западная пола частично срезана. Меньше пострадала восточная пола кургана, хотя и она была потревожена старыми ямами. Южная пола имела заплывшие большие выемки грунта. На поверхности и в насыпи кургана обнаружены мотки ржавой колючей проволоки, осколки снарядов. Возможно, какие-то разрушения насыпи связаны с периодом Великой Отечественной войны.

Раскопки кургана «Аэропорт» проводились по общепризнанной методике с использованием бульдозера Т-170. Прокладывались траншеи по линии север – юг с оставлением контрольных бровок. В связи со значительным разрушением насыпи (рис. 1; 3) было принято решение сделать дополнительный стратиграфический разрез (А–Б) сохранившегося участка насыпи по линии СВ – ЮЗ (рис. 1-3).

Стратиграфическая ситуация следующая (рис. 3):

- дерновый слой мощностью до 0,20 м;
- на уровне 1,05-1,15 м от Р (репера) в профилях зафиксированы участки погребенной почвы мощностью 0,35 – 0,5 м;
- материковый суглинок – на уровне 1,45 м;
- в районе погребений 2-4 зафиксирована срезка погребенной почвы до уровня материкового суглинка, которое, судя по всему, привело к созданию своеобразной углубленной площадки на уровне до 1,56 м от Р. В пределах этой площадки был сооружен

¹ Об исследовании кургана имеется предварительная информация [Халецкая, Костюк 2009] – опубликованная поспешно, с ошибками, неточностями и без согласования с авторами раскопок.

единый погребальный комплекс в составе погребения 4 и сопровождающих его погребений 2 и 3² (рис. 2).

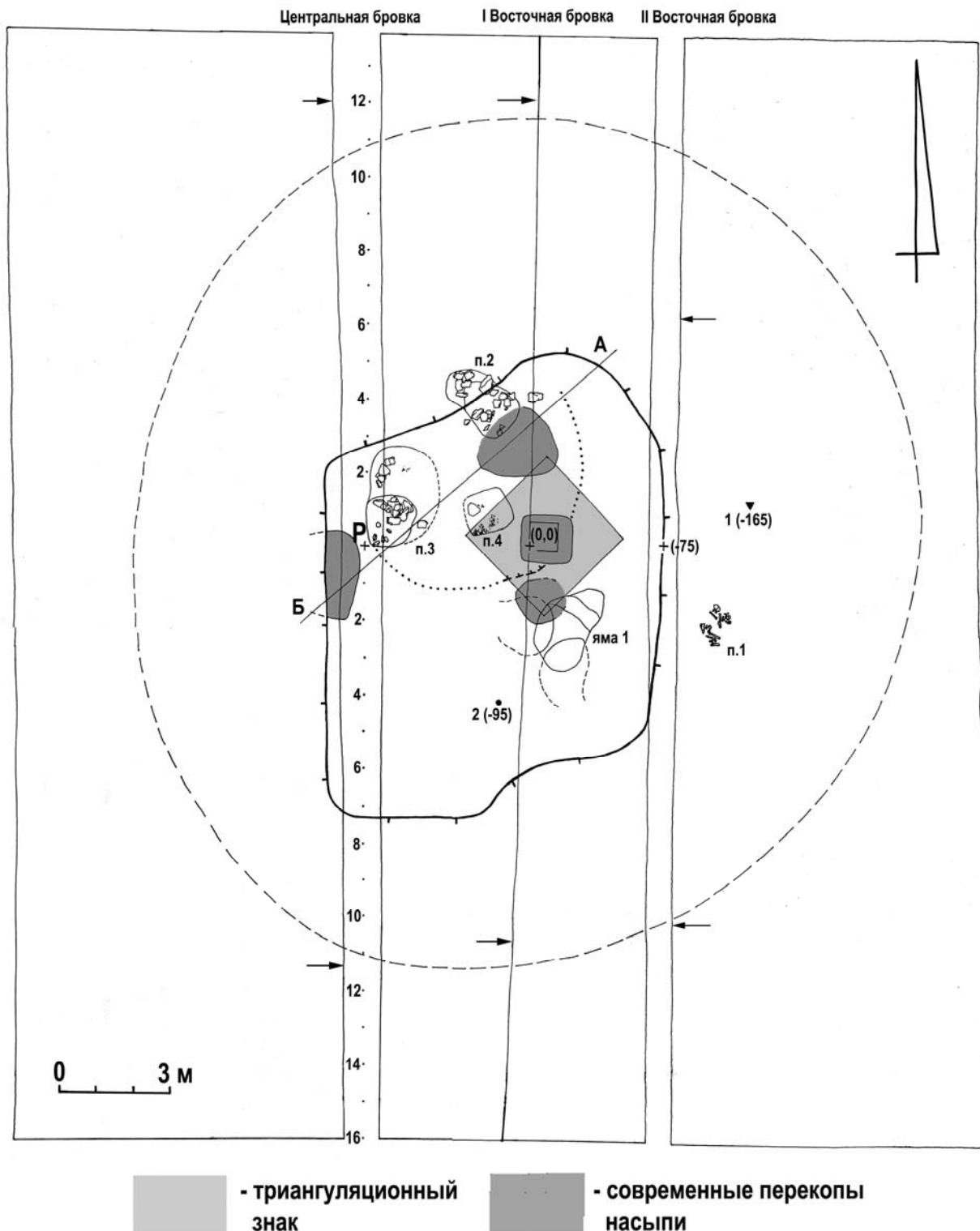

Рис. 1. Курган «Аэропорт»: общий план (1 – кремневый отщеп; 2 – каменное орудие)

Fig. 1. Barrow «Airport»: general plan (1 – chip made of flint; 2 – stone instrument)

² П. 2 и п. 3 фактически представляют собой ритуальные комплексы, напрямую не связанные с погребением умершего человека. Их нумерация как погребений сохранена в соответствии с полевой документацией.

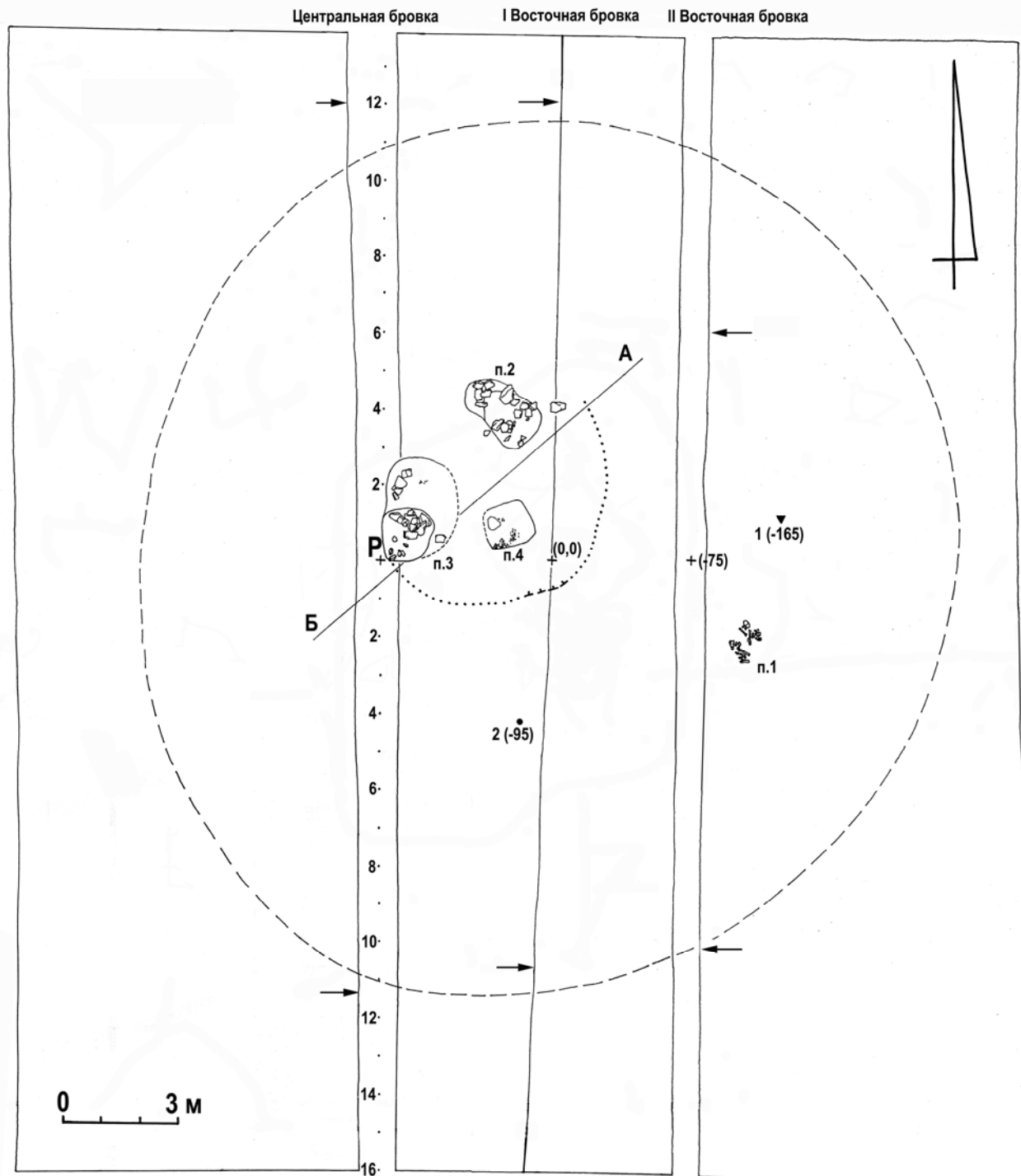

Рис. 2. Курган «Аэропорт»: общий план расположения погребальных комплексов
(1 – кремневый отщеп; 2 – каменное орудие)

Fig. 2. Barrow «Airport»: general plan of location of burial complexes
(1 – chip made of flint; 2 – stone instrument)

В целом в кургане «Аэропорт» было исследовано четыре погребальных комплекса срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 4 (срубное³; основное) (рис. 8, 1) – в 3,5 м под углом 67° и на уровне 1,56-1,66 м от Р.

³ Подчеркнем, что отнесение этого погребения к бабинской культуре [Халецкая, Костюк 2009, с. 32, 33] является ошибкой.

Совершено в почти квадратной яме с сильно закругленными краями, которая на 0,20-0,21 м была углублена в материковый суглинок (глубина от уровня древнего горизонта (ДГ) составляла 0,60-0,65 м). Размеры ямы – 1,26-1,28×1,10 м. В северо-западной части ямы был найден плоский камень (мелкозернистый песчаник, аналогичный камням из погребений 2 и 3) размерами 0,33×0,36×0,07-0,08 м, который находился в 3-4 см над дном (рис. 8, 3). Западная стенка ямы была частично разрушена норой землеройного животного.

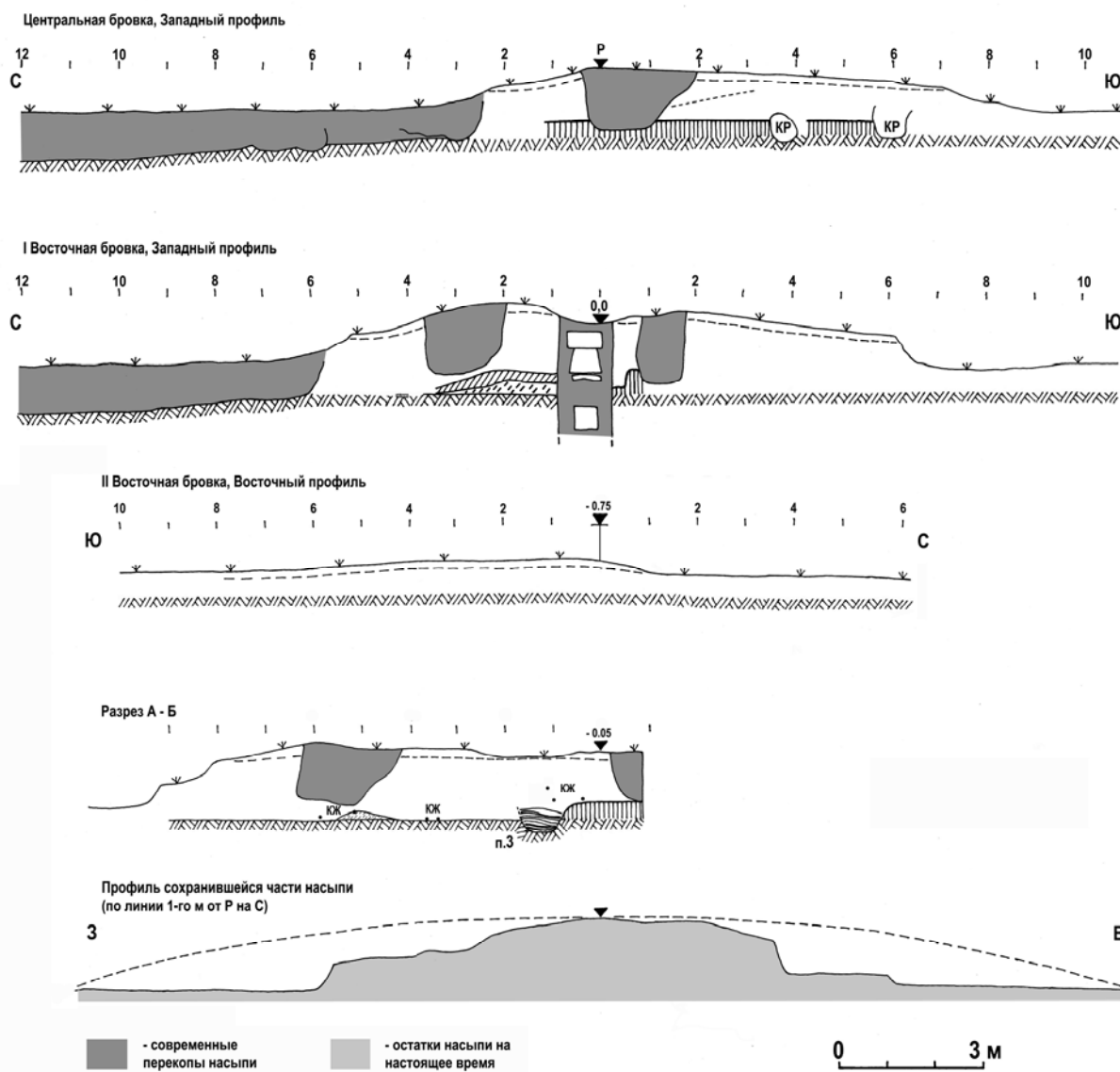

Рис. 3. Курган «Аэропорт»: профили бровок

Fig. 3. Barrow «Airport»: side-view of the edges

В юго-западной части ямы на дне зафиксированы следы растительной подстилки серого цвета со слабо-лиловым оттенком. Волокна фрагментов подстилки тянутся в направлении восток–запад. На подстилке лежали останки человека (подросток 10-14 лет)⁴.

⁴ Антропологические определения выполнены аспирантом МАЭ им. Петра Великого А.А. Казарницким. Добавим, что одним из авторов данной статьи (А.Н. Усачуком) совместно с А.А. Казарницким была проведена кропотливая работа с фрагментами костей из п. 4, которые при разборке погребения брались по секторам, что фиксировалось на чертеже и в полевых записях.

Особенностью погребального обряда данного захоронения является то, что в древности с телом подростка были проведены операции, приведшие труп в сублимированное состояние. Очевидно, с костей скелета были полностью или частично сняты мягкие ткани (экскарнация), а затем проведена деструкция костной ткани путем разбивания и дробления (на костях человека – следы старых сломов) (ср.: Смирнов 1997, с. 61). Скорее всего, перед разрушением скелета были проведены обряды выламывания верхней (демаксиляция) и нижней (демандибуляция) челюстей (см.: Смирнов 1997, с. 61), поскольку при разборе останков погребенного были найдены фрагменты черепной коробки и лицевого отдела черепа, но зубы или фрагменты обеих челюстей отсутствовали.

Согласно антропологическому заключению:

- в юго-западном секторе скопления находились немногочисленные фрагменты ребер и трубчатых костей, 3 кости запястья, 2 пястные, нижний эпифиз бедренной кости, фрагменты малой берцовой и лучевой костей;

- в центральном секторе скопления – фрагменты позвонков, большая часть фрагментов ребер, фрагменты плечевой, локтевой, костей запястья и пясти, эпифиз большой берцовой кости, фрагменты подвздошной, лобковой и седалищной костей, фрагмент черепной коробки;

- в восточном секторе скопления сконцентрированы фрагменты бедренных и большой берцовой костей, коленная чашечка, крестец, головка бедренной кости и прочие эпифизы длинных костей, фрагменты плюсны, предплюсны, фаланги пальцев ног, мелкий фрагмент черепной коробки.

Разрозненные мелкие фрагменты костей человека находились и к северу от скопления, в том числе и под камнем в северо-западной части ямы, но при этом, только в пределах подстилки (за исключением фрагментов костей ног в восточном секторе скопления).

Однако разрушением скелета обряд погребения не завершился. Мелкие фрагменты раздробленных костей были помещены в могилу с сохранением пусть очень грубой, но схемы обычного захоронения эпохи поздней бронзы (рис. 8, 2). При этом фрагменты ребер, длинных костей рук, а также кости запястья и фаланги пальцев положены в западной части скопления, чуть восточнее, чем фрагменты черепа. Восточнее фрагментов черепа и костей рук положены раздробленные длинные кости ног, а также кости стоп и фаланги пальцев ног. Таким образом, масса раздробленных костей подростка более-менее маркирует положение умершего в скорченном положении на левом боку, головой на запад – юго-запад (рис. 8, 1, 2).

Инвентарь в погребении 4 отсутствовал. Очевидно, необычность обрядов, выразившихся в манипуляциях с телом и костями умершего, не подразумевала наличие каких-либо вещей в погребении. В южной и центральной части ямы найдены небольшие фрагменты деревянных плашек (рис. 8, 1), два фрагмента которых находились под камнем в северо-западной части ямы. В двух случаях была зафиксирована форма плашек, которые имели в сечении подпрямоугольную форму, ширину 1,0 и 0,6 см и толщину до 0,4 см (рис. 8, 4).

Погребение 2 (срубное; сопровождающее основное п. 4) (рис. 5) – в 5,0 м под углом 31° и на уровне 1,72 м от Р.

Конструкция представляла собой овальную яму размерами 1,70×1,28 м. Глубина ямы в материковом суглинке – до 0,3 м. С северо-запада к яме примыкала небольшая площадка, подчищенная в древности на глубину до 0,04-0,05 м в материковом суглинке. Яма была заполнена камнями (мелкозернистый песчаник), лежащими на дне плашмя в два слоя. Некоторые камни опирались на края стенок ям в вертикальном и диагональном положениях по отношению ко дну.

Погребение 3 (срубное; сопровождающее основное п. 4) (рис. 6) – в 1,65 м под углом 35° и на уровне 1,74 м от Р.

Конструкция представляла собой овальную яму размерами 1,40×1,25 м. Глубина ямы в материковом суглинке достигала 0,3 м. Довольно большая площадь возле п. 3 была подчищена в древности на глубину до 0,04-0,05 м в материковом суглинке.

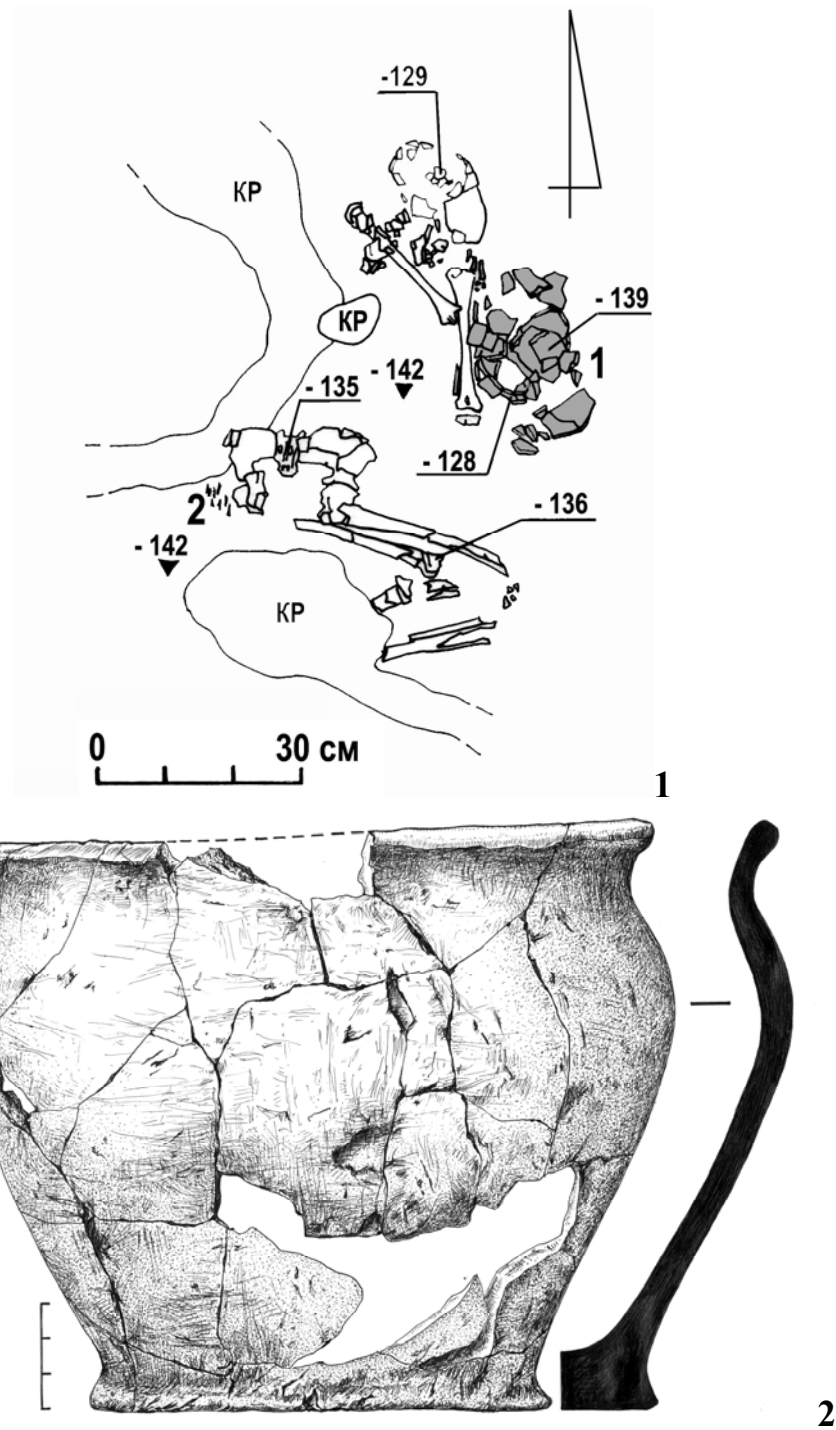

Рис. 4. Курган «Аэропорт», погребение 1:
1 – общий план (1 – сосуд; 2 – угольки); 2 – сосуд

Fig. 4. Barrow «Airport», grave 1:
1 – general plan (1 – a vessel; 2 – small pieces of coal); 2 – a vessel

Яма была заполнена камнями (мелкозернистый песчаник), лежащими на дне плашмя в два-три слоя. Некоторые камни опираются на края стенок ям в вертикальном и диагональном положениях по отношению ко дну. Среди камней зафиксированы фрагменты длинных костей животных (крупные копытные). К северу от ямы на площадке выявлены фрагменты разбитых в древности керамических сосудов (не менее двух) (рис. 6, 1).

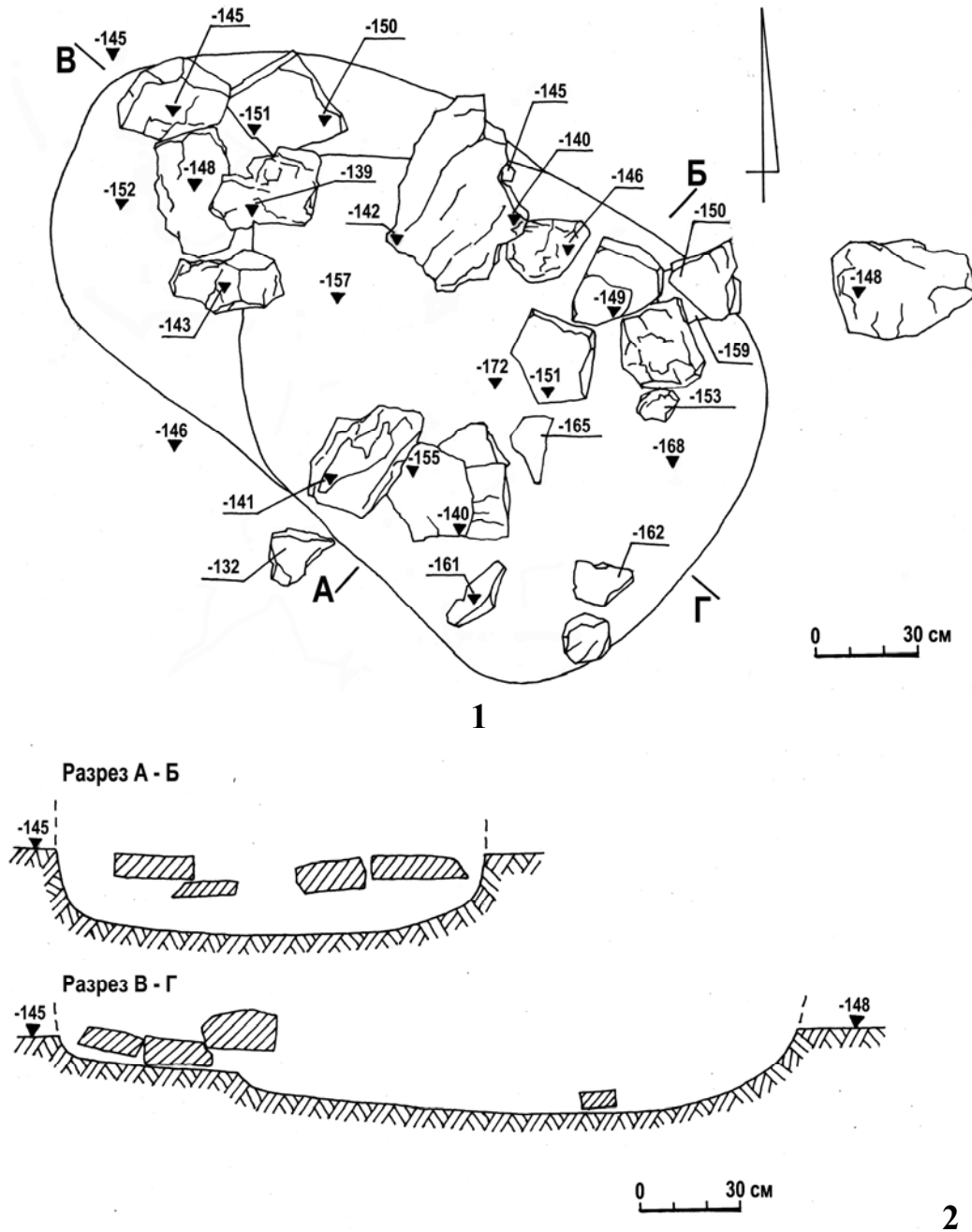

Рис. 5. Курган «Аэропорт», погребение 2: 1 – общий план; 2 – разрезы

Fig. 5. Barrow «Airport», grave 2: 1 – general plan; 2 – sections

1. Сосуд – фрагмент венчика и шейки лепного сосуда с округлым туловом; поверхность серого и желто-коричневого цвета со следами мелких расчесов. Реконструированный диаметр венчика – 11,2-11,3 см (рис. 7, 1).

2. Сосуд – фрагмент венчика и стенок лепного сосуда с округлым туловом; поверхность серого и желтого цвета со следами мелких расчесов. Реконструированный диаметр венчика – 15,0 см (рис. 7, 2).

Погребение 1 (срубное; впускное) (рис. 4, 1) – в 9,9 м под углом 105° и на уровне 1,42 м от Р.

Контуры ямы не прослеживались, тем более, что погребение сильно нарушили норы землеройных животных. Скелет взрослого человека (женщина, 18-25 лет) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север. Руки были согнуты в локтях, кисти

находились в районе лица, ноги в тазобедренном суставе были согнуты почти под прямым углом, в коленях – под острым. В районе таза зафиксированы угольки. Перед грудью и руками погребенной был установлен лепной глиняный сосуд.

1. Сосуд – опуклобокий; с плавным ребром в верхней трети тулова, с отогнутым венчиком и закраиной у дна, грубой лепки, с разнонаправленными расчесами на внутренней поверхности, поверхность серо-черного цвета с коричнево-оранжевыми пятнами (обжиг неровный). Диаметр венчика – 18,0-18,3 см, диаметр тулова – 20,0-20,3 см, диаметр дна – 12,1-12,6 см, высота – 14,9-15,6 см (рис. 4, 2).

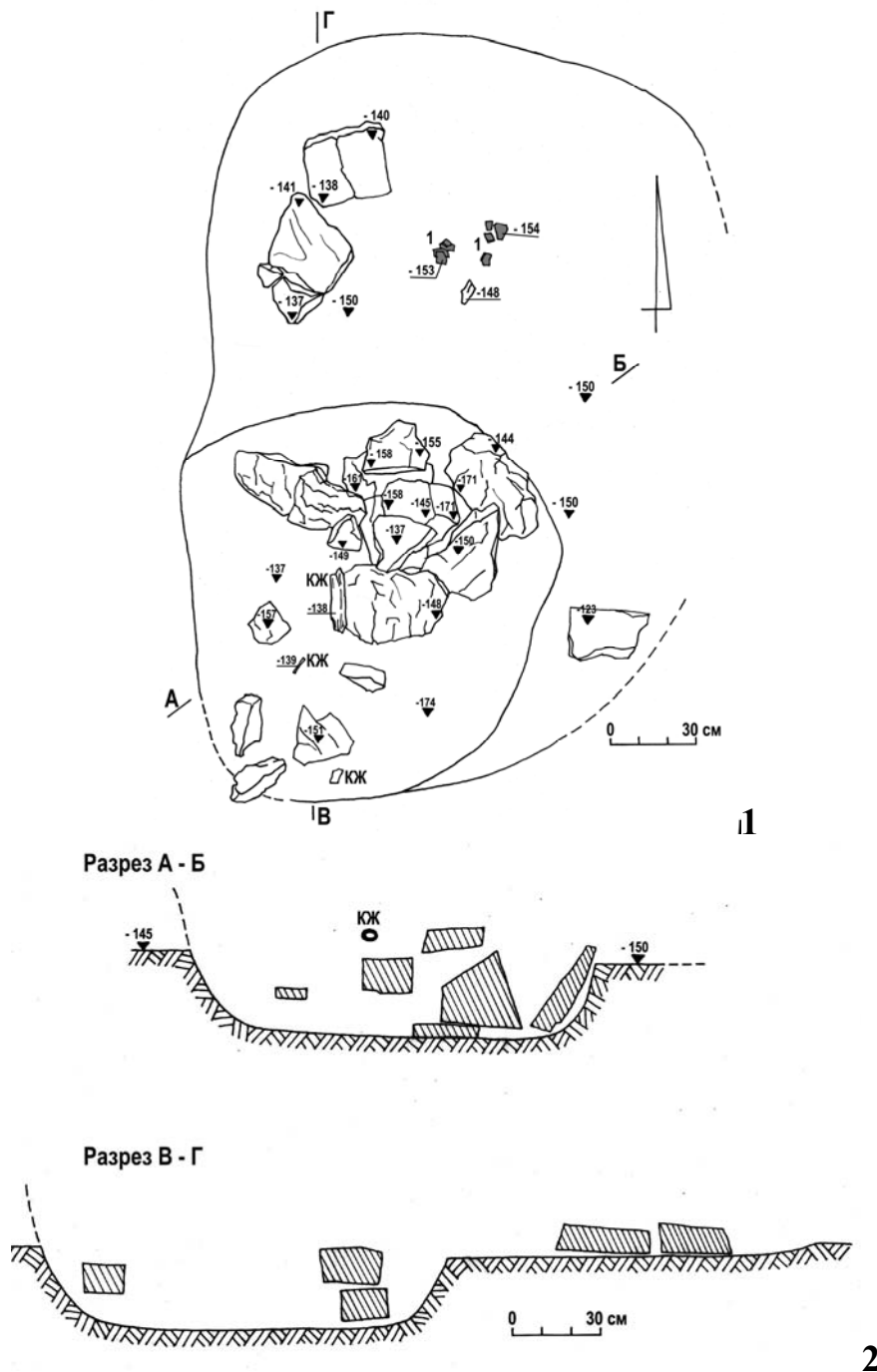

Рис. 6. Курган «Аэропорт», погребение 3:
1 – общий план (1 – фрагменты сосудов); 2 – разрезы

Fig. 6. Barrow «Airport», grave 3:
1 – general plan (1 – vessels fragments); 2 – sections

Кроме того, отдельные находки были сделаны в насыпи кургана (рис. 1): отщеп первичный⁵ (рис. 9, 1); ложило-терочник из мелкозернистого кварцита (рис. 9, 3); фрагмент стенки красноглиняного кружального сосуда салтово-маяцкой культуры (рис. 9, 2); железный кованый гвоздь XVIII-XIX вв. (рис. 9, 4).

Исходя из общего контекста можно предположить, что погребения 2-4 представляют собой единый комплекс, объединенный углубленной площадкой, выбранной до материкового суглинка (рис. 2). Ямы «погребений» 2 и 3 располагались к северу и западу от основной погребальной ямы и выполняли какую-то определенную функцию в ходе совершения погребального обряда, возможно, являлись жертвенными. Фрагменты сосудов, выявленные в комплексе (рис. 7, 1, 2), судя по керамическому тексту и другим технологическим особенностям, относятся к срубной культуре. Именно этот факт и позволяет отнести комплекс, а, соответственно, и п. 4, к данной культуре.

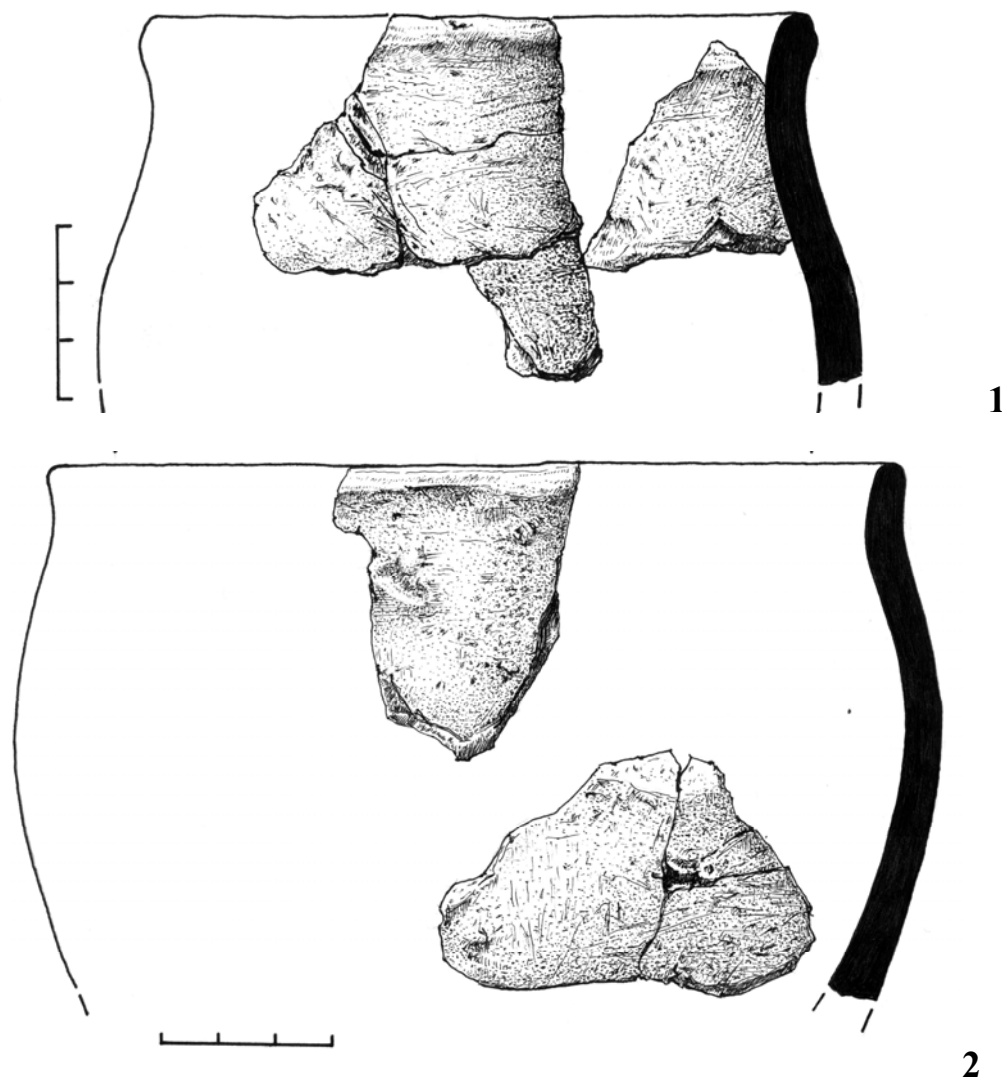

Рис. 7. Курган «Аэропорт», погребение 3: сосуды

Fig. 7. Barrow «Airport», grave 3: vessels

⁵ Средний по размеру, кремь меловой, стекловидный, серо-коричневого цвета. Дорсальная поверхность с меловой коркой несет следы забитости и залощенности (возможно - окатанности). Ударный бугорок с так называемой «губой» (признак снятия мягким отбойником). Патина контрастная: от плотной молочной на спинке до легкой голубоватой на брюшке, где фиксируется участок кальцитового затека. По совокупности признаков можно сказать об архаичности изделия (скорее всего – верхний палеолит - мезолит) (определение ст. научн. сотр. научно-методического отдела охраны памятников археологии ДОКМ Ю.Г. Ковалю).

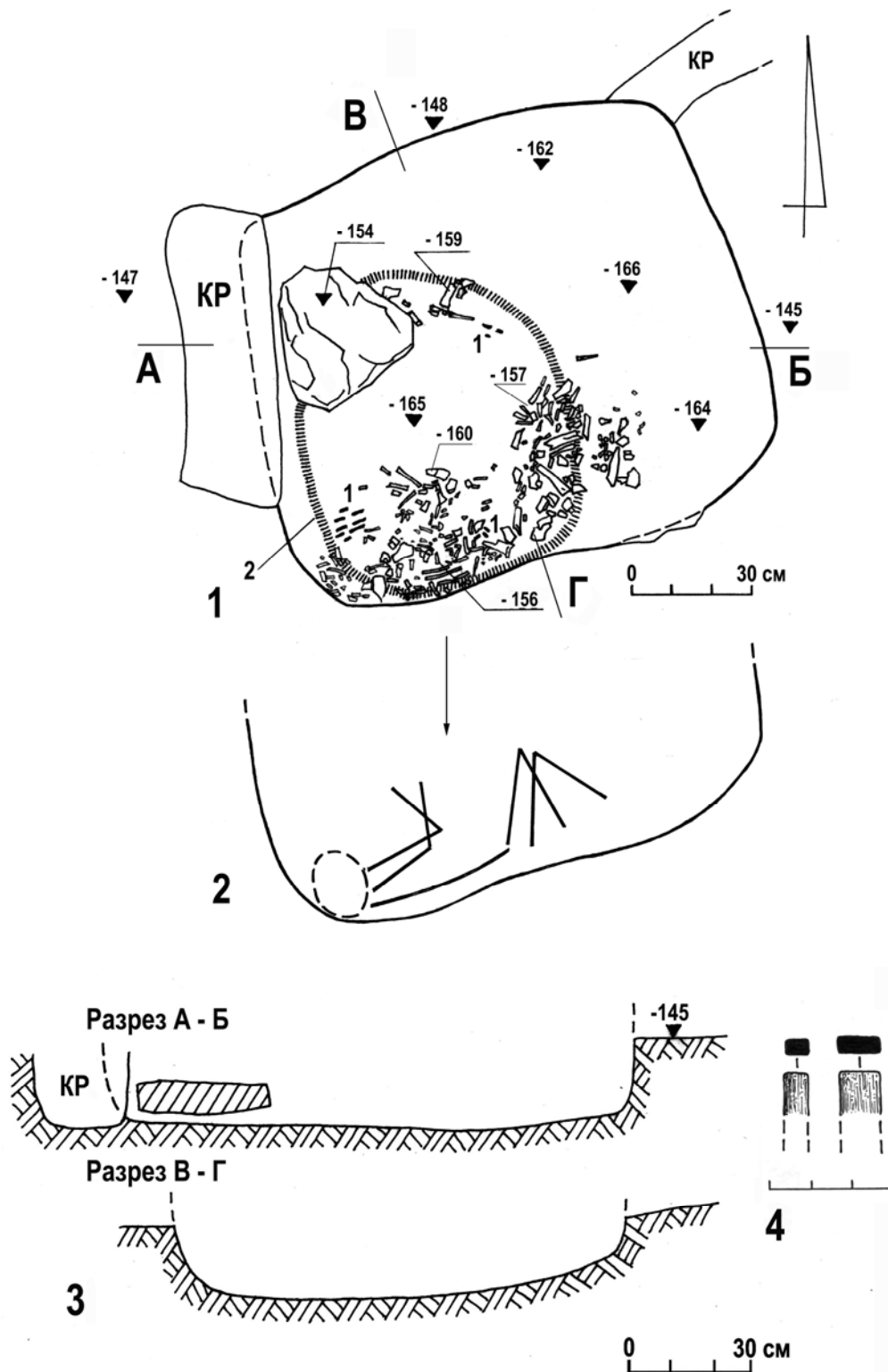

Рис. 8. Курган «Аэропорт», погребение 4: 1 – общий план (1 – фрагменты деревянных плашек; 2 – контур растительной подстилки); 2 – графическая реконструкция положения скелета; 3 – разрезы; 4 – фрагменты деревянных плашек

Fig. 8. Barrow «Airport», grave 4: 1 – general plan (1 – fragments of small wooden blocks; 2 – outline of vegetable bedding); 2 – reconstruction of skeletons position; 3 – sections; 4 – fragments of small wooden blocks

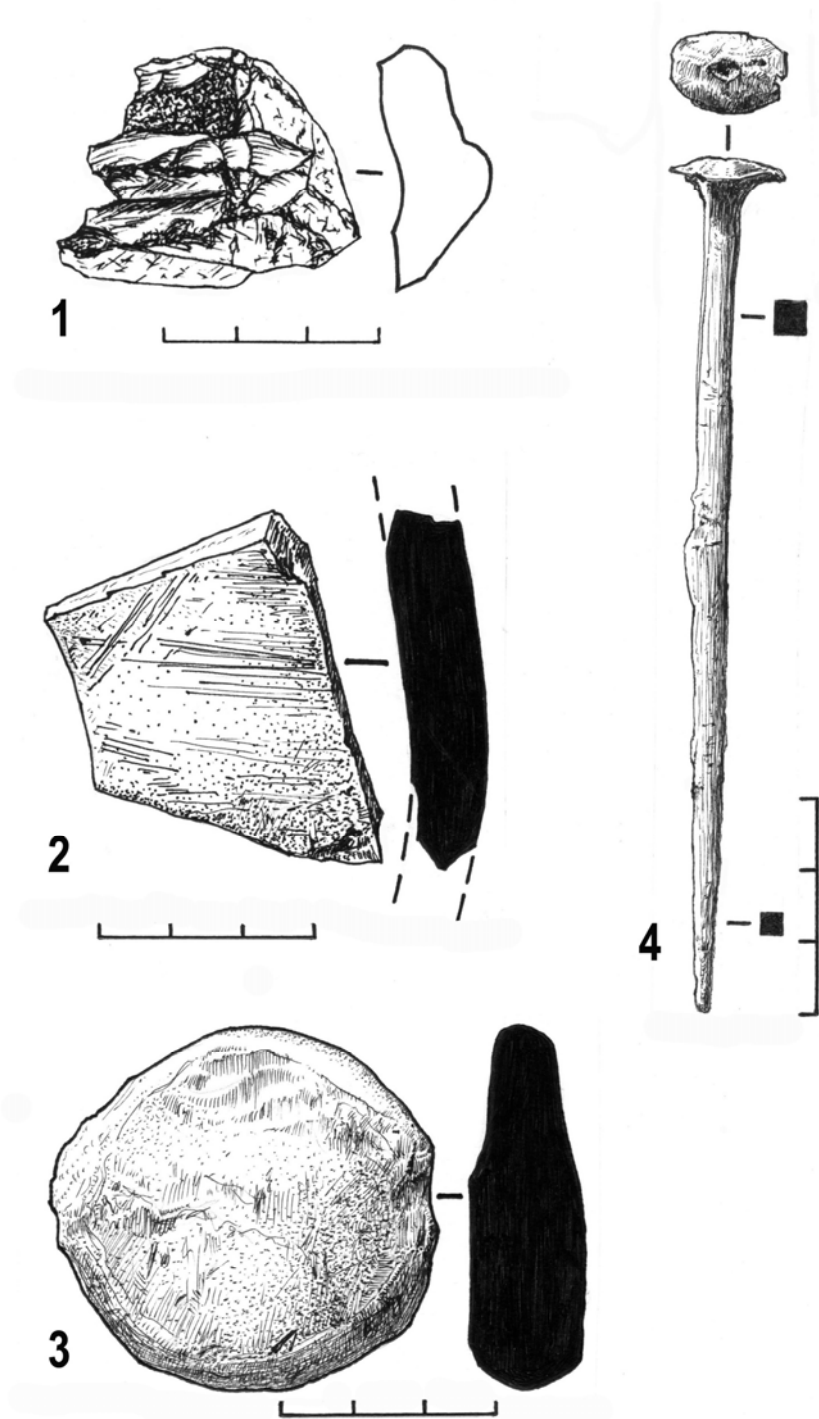

Рис. 9. Курган «Аэропорт», находки из насыпи: **1** – кремневый отщеп; **2** – фрагмент салтовской керамики; **3** – каменное орудие; **4** – железный гвоздь

Fig. 9. Barrow «Airport», finds out of the embankment: **1** – chip made of flint; **2** – fragment of the vessel from Saltovo; **3** – a stone instrument; **4** – an iron nail

Над комплексом был насыпан небольшой курган, причем вместе с грунтом в насыпь, а затем и на насыпь были брошены части жертвенных животных, о чем свидетельствуют находки костей.

Уникальный обряд, зафиксированный при исследовании п. 4, не находит полных аналогий среди учтенных нами 7256 погребений срубной культуры. Захоронения с

проявлениями расчленения тела умершего (по терминологии Ю.А. Смирнова – демембрацией [Смирнов 1997, с. 61]) встречаются в ней нередко (см., например: Мерперт 1958, с. 142-146; Габелко 1978; Васильев, Матвеева 1986, с. 86; Обыденнов, Обыденнова 1992, с. 91-92; Крамарев 2004, с. 172-174; Цимиданов 2004, с. 61-62), но столь радикально произведенная демембрация трупа, какая имела место в рассматриваемом случае, для срубной культуры является аномалией. Впрочем, одну аналогию нам все-таки удалось найти. При проведении антропологического изучения кальцинированных костей человека из п. 1 к. 7 Николаевского могильника, Башкортостан было выяснено, что кремации предшествовали освобождение костей от мягких тканей, их высушивание или вываривание, дробление [Исмагил и др. 2009, с. 109].

Можно согласиться с авторами, рассматривавшими некоторые расчлененные погребения срубной культуры как результат обезвреживания покойников, считавшихся магически опасными, в том числе служителей культа [Васильев, Матвеева 1986, с. 87; Халяпин, Богданов 1999, с. 85; Исмагил и др. 2009, с. 105]. Подобное обезвреживание имело место у разных народов и в разные эпохи, что нашло отражение в фольклоре и верованиях. Так, кафиры Гиндукуша считали, что убить демона или ведьму можно, разрубив их на куски [Йеттмар 1986, с. 60, 62]. Одна из памирских сказок повествует о том, как юноша швыряет голову, отрубленную у ведьмы, на землю с такой силой, что она разлетается на куски [Сказки народов... 1976, с. 80, 82]. В персидских сказках расхож мотив разрубания или разрывания на части ведьмы или дива [Персидские народные сказки 1987, с. 256, 291, 306, 334]. Белорусы, если возникали опасения, что умерший колдун вредит, раскапывали его могилу и отрубали мертвецу голову [Никитина 1928, с. 323]. Так же поступали в ряде стран Западной Европы, если считали, что мертвец стал вампиром [Вовк 1995, с. 179].

К числу расчленений, вызванных необходимостью обезвреживания, вероятно, стоит относить и те, где отчленились руки и/или ноги или их части (по Ю.А. Смирнову – дезартикуляция [Смирнов 1997, с. 61]). Можно согласиться с тем, что это – наиболее частый вид расчленений [Обыденнов, Обыденнова 1992, с. 91]. Результаты его довольно часто фиксируются при раскопках погребений срубной культуры (см., например: Тихонов 1971, с. 87; Горбунов 1977, с. 154, 156; Ильюков, Казакова 1988, с. 64; Горбунов, Морозов 1991, с. 26; Обыденнов, Обыденнова 1992, с. 91; Березуцкий и др. 2005, с. 45; Мельников 2005, с. 85; Моргунова 2005, с. 111, табл. 4.1; Исмагил и др. 2009, с. 18).

Вместе с тем, отнюдь не все случаи расчленения, с которыми сталкиваются археологи, следует рассматривать как проявления обезвреживания. Не менее распространенным был на Земле и иной побудительный мотив для нарушения целостности трупа. У многих народов расчленяли тела умерших правителей и других выдающихся лиц (в т.ч. христианских святых), чтобы затем похоронить или выставить их в нескольких местах с целью обеспечения благополучия разных частей страны [Фрезер 1983, с. 355-356; Кобищанов 1986, с. 44; Бойцов 2003, с. 168-171, 188-190]. На наш взгляд, допускать действие данного мотива применительно к захоронениям срубной культуры можно в тех случаях, когда в могиле обнаруживаются только отдельные части скелета (для обозначения подобных захоронений нам кажутся удачными термины «парциальные» [Смирнов 1997, с. 61] и «частичные» [Крамарев 2004, с. 173]). Это может быть, например, череп [Березовец та ін. 1960, с. 109; Самар 1991, с. 131; Колтухов, Тощев 1998, с. 33, 51; Самар 1998, с. 77; Труды... 1999, с. 15; Костюков, Алаева 2004, с. 16] или, напротив, костяк без черепа [Самар 1998, с. 77; Берестнев 2001, с. 86; Братченко, Шарафутдинова 2003, с. 163; Морозов, Нигматуллин 2003, с. 12; Костюков, Алаева 2004, с. 42; Стоколос В., Стоколос Г. 2004, с. 246; Моргунова 2005, с. 116, табл. 4.1], а порой – и без некоторых других костей [Моргунова 2005, с. 111, табл. 4.1]. В ряде случаев в могильной яме оказывалась только верхняя половина туловища человека [Алихова 1960, с. 118; Пестрикова 1977, с. 78; Сорокина 1983, прил. II; Обыденнов, Обыденнова 1992, с. 91; Берестнев 2001, рис. 54, 2; Моргунова 2005, с. 117, табл. 4.1] или – только нижняя [Пряхин 1993, с. 31; Костюков, Алаева 2004, с. 14, 42]. Каждый из

отмеченных случаев встречен не единожды, а потому видеть в них результат растерзания человека хищником, как иногда некоторые авторы предлагают объяснять факт существования расчлененных погребений (см., например: Каменецкий 2002, с. 112), едва ли уместно. Скорее всего, перед нами проявления каких-то канонических действий. Другие частичные погребения в сводке проработанных комплексов встречены нами лишь по 1 разу (это, естественно, не исключает того, что их аналоги могут быть среди комплексов, оставшихся нам неизвестными). В частности, в одном из захоронений были выявлены череп и кости конечностей человека [Гершкович 1996, с. 135]. Возможно, данный «набор» семантически равнозначен широко представленным в срубной культуре «комплектam» из черепов и конечностей животных. В других захоронениях человеческие останки были и вовсе в минимальном количестве, оказываясь представленными лишь бедренными костями [Березуцкий, Маслихова 2004, с. 127], берцовой костью [Бойко 1985, с. 261], расположенными в анатомическом порядке костями руки [Буров 1971, с. 165], фалангами пальцев руки [Ковалева и др. 1979, с. 13], фалангой пальца ноги [Ларенок 1998, с. 78]. Каждый из упомянутых случаев интересен и достоин отдельного глубокого анализа, что не входит в задачи предлагаемой работы. Подводя итог нашим размышлениям о погребениях с проявлениями расчленения, отметим, что породившая их практика в срубной культуре получила очень большое распространение. Причины расчленения трупов были, к тому же, самыми разнообразными, вплоть до ритуального каннибализма с последующим захоронением костей [Цимиданов 2004, с. 62]. Что касается конкретно нашего случая, то здесь наиболее вероятным будет допускать обезвреживание. Слишком уж радикально был сублимирован труп.

Любопытным моментом является отсутствие среди костей рассматриваемого захоронения нижней челюсти. Об особом отношении населения срубной культуры к нижним челюстям животных писали многие исследователи (см., например: Ромашко 1993, с. 84, 90; Горбов, Мимоход 1999, с. 44; Изотова 2006, с. 160; Морозов 2008, с. 67; Асафьев, Лопатин 2009 с. 26]. Менее известно о том, что и нижние челюсти людей имели у носителей срубной культуры высокий семиотический статус. Об этом свидетельствуют случаи демандибуляции – отчленения нижней челюсти. Проявления ее редки, но довольно выразительны. Так, в п. 7 к. 10 могильника Ильясский I, Челябинская обл. в центре могильной ямы лежала челюсть человека. Других костей в захоронении вообще не было [Любчанский, Иванова 1996, с. 98]. На поселении Мосоловка, Воронежская обл. в котловане помещения 30 было обнаружено п. 7. Кости женщины 30-35 лет располагались не в анатомическом порядке, причем челюсть умершей находилась в сосуде, сопровождавшем захоронение [Пряхин 1993, с. 30]. В «культовом месте», исследованном близ Верхнего Турова, Воронежская обл., была выявлена яма с двумя слоями заполнения, разделенными прослойкой глины. В обоих горизонтах, наряду с углями, обожженными костями животных и фрагментами керамики, найдены фрагменты нижних челюстей людей (одной – в верхнем и двух – в нижнем) [Синюк и др. 2006, с. 106].

Пока не ясно, какие представления носителей срубной культуры породили эти манипуляции с человеческими челюстями. Для рассмотрения проблемы необходимо накопление материала. Но стоит отметить, что и в некоторых других культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы зафиксированы результаты действий, направленных на нижние челюсти людей. В частности, на поселении Бай-Кият, Крым в помещении XI были найдены два человеческих черепа без нижних челюстей [Колотухин 2003, с. 46], отражающие практику демандибуляции. В святилище поселения Ла Юрт (Капланы I), Молдова, относящемся, вероятно, к культуре Ноа, под каменной курганообразной конструкцией выявлены, наряду с разнообразными следами жертвоприношений, челюсти людей (целая и фрагментированная) [Агульников и др. 2009, с. 8].

Значительно многочисленнее следы «культы челюстей» в белозерской культуре. Так, на поселении Дикий Сад, Николаевская обл. была обнаружена серия человеческих черепов без

нижних челюстей (следы демандибуляции) – в помещении 1 участка «СК», помещении 2 участка «А», яме 3 участка «СК» [Горбенко 2000, с. 53], яме 8 «посада» [Горбенко, Смирнов 2008, с. 388, 390; Горбенко 2007, с. 9]. В яме 20 под слоем камней находились три человеческих черепа без нижних челюстей и несколько керамических сосудов [Горбенко 2007, с. 9]. Еще более выразительны два других случая. В помещении 4 участка «А» под кострищем, в яме 1 находился череп без нижней челюсти на слое песка, а ниже – челюсть, но – от другого человека, фрагмент панциря черепахи, астрагал и каменная катушковидная поделка [Горбенко 2000, с. 54]. В помещении 7 на нижнем уровне пола лежали два черепа людей без нижних челюстей, часть панциря черепахи, фрагмент «каменного фаллоса», череп росوماхи (?) со следами лощения и человеческая челюсть между мелкими камнями [Горбенко 2000, с. 54]. В погребениях 17 и 21 могильника Чернянка, Херсонская обл. выявлены не целостные скелеты, а нижние челюсти, дополненные мелкими фрагментами трубчатых костей [Кубышев, Черняков 1986, с. 145].

Случаи демандибуляции фиксируются и на памятниках тшинецкого культурного круга. Например, в некоторых погребениях могильников Великая Бугаевка и Малополовецкое, Киевская обл. нижние челюсти умерших лежали отдельно от черепов. В ряде случаев лицевые отделы черепов были разрушены, что позволяет допускать и существование практики демаскиляции (отчленения верхних челюстей) [Бабенко, Лысенко 2002, с. 88].

Манипуляции с человеческими челюстями, причем не только нижними, но и верхними, производились и степным населением Азии бронзового века. В частности, можно сослаться на материалы погребения 3 из ограды 8 могильника Лисаковский IV, Казахстан (алакульская культура). Здесь были обнаружены два черепа детей 4-5 лет (авторы публикации уверены, что в данном случае были захоронены головы, отделенные от тел умерших). У одного из черепов отсутствовали верхняя и нижняя челюсти, хотя при этом зубы были положены (в три ряда) близ черепной коробки [Усманова и др. 2006, с. 73].

На поселении Атасу I, Казахстан в помещении 26 (федоровская культура) на полу был выявлен череп человека. Нижняя челюсть, сломанная пополам, располагалась отдельно [Кадырбаев, Курманкулов 1992, с. 31].

На поселении Талдысай, Казахстан в одной из построек эпохи поздней бронзы, функционировавшей как металлургическая мастерская, наряду с другими артефактами, были обнаружены расположенные рядом череп коровы и череп человека без нижней челюсти [Курманкулов и др. 2007, с. 96].

На поселении Язево I, Курганская обл. России в жилище 2 саргаринско-алексеевской культуры был исследован очаг со скоплением костей животных, среди которых находилась челюсть подростка [Потемкина 1985, с. 36].

Не лишне в данной связи упомянуть и погребения из пещеры Майда-Храшко, Словакия, датируемые гальштатским временем (НВ, НС). Здесь челюсти умерших детей и взрослых в ряде случаев были целенаправленно разрушены [Медникова 2001, с. 155]. Ко всем приведенным выше фактам добавим, что «культ челюстей» имел место и в других культурах, начиная с эпохи палеолита [Смирнов 1997, с. 3].

Возвращаясь к п. 4 кургана «Аэропорт», следует констатировать, что подросток, подвергшийся описанным выше манипуляциям, имел при жизни высокий ранг, о чем свидетельствует наличие над погребением индивидуального кургана с дополнительными элементами курганной архитектуры (углубленная площадка вокруг всего комплекса), присутствие под насыпью жертвенных ям, наличие в насыпи и на ее поверхности костей жертвенных животных (см.: Цимиданов 2004, с. 69). Вероятно, умерший рассматривался соплеменниками как носитель очень опасной магической силы, а потому был тщательно расчленен. К сожалению, в захоронении отсутствовал инвентарь, который мог бы позволить уточнить, имел ли этот человек статус служителя культа.

Более позднее погребение 1 (рис. 4, 1) так же принадлежит лицу повышенного ранга, что маркировано возведение над ним досыпки, придавшей кургану окончательную форму.

Погребение, на наш взгляд, следует относить к статусной группе носителей производственной функции. Вдвойне интересно то, что в данном случае досыпка была совершена над женским захоронением. Дело в том, что погребения женщин, демонстрирующие данный знак повышенного ранга, на западной территории срубной культурно-исторической общности довольно редки. На втором этапе, по периодизации В.В. Цимиданова [2004, с. 94], к каковому относится п. 1 «Аэропорта», они составляют лишь 5,4% в массиве захоронений представительниц данной статусной группы. Для сравнения, соответствующий показатель по мужским погребениям – 17,9% [Цимиданов 2006, табл. 10]. Женщины, при погребении которых возводились индивидуальные курганы или досыпки, являлись, вероятно, главами матрилинейных генеалогических групп или, в патрилинейных группах, женами глав родов [Цимиданов 2006, с. 211].

В заключение отметим, что исследованный курган дал материалы, позволяющие дополнить новыми фактами наши представления о социальной и религиозной жизни племен срубной культурно-исторической общности.

*Усачук А.М., Підобід В.А.,
Полідович Ю.Б., Циміданов В.В.*

РОЗКОПКИ КУРГАНУ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ НА ТЕРИТОРІЇ АЕРОПОРТУ МІСТА ДОНЕЦЬКА

У статті публікуються матеріали розкопок кургану зрубної культури на території аеропорту міста Донецька. У кургані досліджено 4 поховальних комплекси. Основне поховання (№ 4) демонструвало обряд повного розчленовування небіжчика (підлітка 10-14 років), котре супроводжувалося виламуванням нижньої та верхньої щелеп. Далі дрібні фрагменти роздроблених кісток було покладено у могилу із збереженням схеми звичайного поховання доби пізньої бронзи. Поховання супроводжували дві культові ями, поряд із якими знайдено фрагменти двох посудин зрубної культури. Обряд такого радикального розчленовування трупу у зрубній культурі авторам не є відомим, але випадки демандібуляції у ній мали місце. На думку авторів, небіжчик розглядався особами, котрі здійснювали похорон, як магічно небезпечна людина. Більш пізні поховання № 1 (жінка 18-25 років) містило у якості інвентарю глиняну посудину. Поховання супроводжувалося зведеною над ним досипкою.

Ключові слова: зрубна культурно-історична спільнота, іранці, курган, поховальний обряд, соціальна структура, демандібуляція.

*Usachuk A.N., Podobed V.A.,
Polidovich Yu.B., Tsimidanov V.V.*

EXCAVATION OF THE BARROW OF TIMBER-GRAVE CULTURE AT THE AIRPORT IN DONETSK

The paper publishes materials of excavation of barrow of Timber-Grave Culture at the airport in Donetsk. Four burial complexes were examined in the barrow. The main burial (# 4) demonstrated a ceremony of complete dismemberment of the deceased (a teenager of 10-14 years old), accompanied by breaking of the lower and upper jaws. Then, small fragments of shattered bones were laid in the grave with the persistence of usual scheme for burial of the Late Bronze Age. The burial was accompanied by two cult pits next to which the fragments of two vessels of Timber-Grave Culture were found. Rite of such a radical dismembering of the body in the Timber-Grave

Culture is unknown to the authors but cases of demandiblezation had occurred. The authors believe that the deceased was considered by those who had to bury it as magically dangerous person. The later burial # 1 (a woman of 18-25 years old) contained a clay vessel among the grave goods. The burial was covered by additional mound.

Keywords: Timber-Grave Culture, Iranians, barrow, funerary rite, social structure, demandiblezation.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агульников С.М., Паша В.И., Попович С.С. Святилище позднего бронзового века на поселении Ла Юрт (Капланы I) // ССПК. – Т. XV – Запоріжжя, 2009. – С. 5-13.

Алихова А.Е. Памятники срубной культуры Самарской Луки // МИА. – 1960. – № 80. – С. 96-119.

Асафьев Н.К., Лопатин В.А. К вопросу о ритуальном характере комплекса срубного поселения Н. Красавка // XLI международная урало-поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых. – Уфа, 2009 – С. 22-26.

Бабенко Р.В., Лысенко С.Д. Могильник эпохи бронзы Великая Бугаевка (материалы из раскопок 2001 г. // АБУ 2000-2001 гг. – К., 2002. – С. 86-88.

Березовец Д.Т., Покровська О.Ф., Фурманська А.І. Курганы эпохи бронзы поблизу с. Мар'янського // АП УРСР. – Т. 9. – 1960. – С. 102-126.

Березуцкий В.Д., Кравец В.В., Новиков Н.Л. Древности Богучарского края. – Воронеж, 2005. – 130 с.

Березуцкий В.Д., Маслихова Л.И. Зареченские курганы // Археологические памятники бассейна Дона. – Воронеж, 2004. – С. 197-230.

Берестнев С.И. Восточноукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). – Харьков: ПФ Амет, 2001. – 264 с.

Бойко Ю.Н. Исследования в бассейне р. Ворскла // АО 1983 г. – М.: Наука, 1985. – С. 261-262.

Бойцов М. Живая власть мертвого тела // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2003. – Вып. 5. – М.: ОГИ, 2003. – С. 167-253.

Братченко С.Н., Шарафутдинова Э.С. Ливенцовский могильник I // ИАИАИАНД в 1998 г. – Вып. 16 – Азов, 2000. – С. 160-215.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // АО 1970 г. – М.: Наука, 1971. – С. 164-166.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Куйбышев, 1986. – 230 с.

Вовк Х.К. Студії з української етнографії та антропології. – К.: Мистецтво, 1995. – 336 с.

Габелко Н.Л. Могильник срубной культуры у совхоза Кирова в Куйбышевской области // Научные труды Куйбышевского пединститута. – Т. 221: Древние культуры Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1978. – С. 52-54.

Гершкович Я.П. Курганы в междуречье р. Лозовой и р. Ольховой на Донецком кряже // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: Изд-во Восточно-Украинского гос. ун-та, 1996. – С. 133-167.

Горбенко К.В. Характер и структура архитектурных сооружений поселения эпохи финальной бронзы «Дикий Сад» // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 53-55.

Горбенко К. Городище «Дикий Сад» у XIII-IX ст. до н.е. // Еднано. Науковий щоквартальник. – № 1 (1) (липень-вересень). – К.; Миколаїв, 2007. – С. 53-55.

Горбенко К.В., Смирнов А.И. Посад городища эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале: в 3 т. – М., 2008. – Т. 1. – С. 387-390.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культовые комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Демы (Башкирия) // СА. – 1977. – № 1. – С. 149-161.

Изотова М.А. Поселение эпохи поздней бронзы Макаровская Речка // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 8. – Волгоград, 2006. – С. 155-182.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. – Ростов н/Д, 1988.

Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане. – Уфа, 2009. – 240 с.

Йеттмар К. Религии Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 526 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 248 с.

Кобищанов Ю. Полюдь // Знание – сила. – 1985. – № 11. – С. 43-44.

Ковалева И.Ф., Марина З.П., Чернявская Н.В., Никитин С.В. Курганный могильник эпохи поздней бронзы у с. Хашево // Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1979. – Вып. III. – С. 5-24.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. – К.: Стило, 2003. – 139 с.

Колтухов С.Г., Тошев Г.Н. Курганные древности Крыма. – Ч. II. – Запорожье, 1998. – 194 с.

Костюков В.П., Алаева И.П. Курганы эпохи бронзы у станции Система // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1: Исторические науки. – № 2. – Челябинск, 2004. – С. 5-56.

Крамарев А.И. Основные виды погребений срубной культуры южного Средневолжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2004. – С. 163-180.

Кубышев А.И., Черняков И.Т. Грунтовый могильник белозерской культуры у села Чернянка // СА. – 1986. – № 3. – С. 139-157.

Курманкулов Ж., Ермолаева А.С., Калиева Ж.С. Археологические исследования на поселении Талдысай // Историко-культурное наследие Сарыарки. – Караганда, 2007. – С. 93-105.

Ларенок В.А. Курганный могильник «Таврия»-I, II // Каталог. Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области). Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. – Ростов н/Д, 1998. – С. 56-90.

Любчанский И.Э., Иванова Н.О. Могильник Ильясский I – новый погребальный комплекс срубно-алакульского времени // Труды музея-заповедника Аркаим: Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. – Челябинск, 1996. – С. 89-105.

Медникова М.Б. Трепанация у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 304 с.

Мельников Е.Н. Раннесрубные погребения кургана 1 у с. Алексеевка // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 85-87.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. – 1958. – № 61. – С. 145-156.

Моргунова Н.Л. Могильник Уранбаш-южный // Каргалы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т. IV. – С. 100-124.

Морозов П.М. Колодцы срубной культуры Урала и Поволжья // XL международная урало-поволжская археологическая студенческая конференция: матер. и тез. докл. – Уфа, 2009. – С. 65-67.

Морозов Ю.А., Нигматуллин Р.А. Погребальные памятники срубной культуры бассейна реки Дема (Башкирское Приуралье). – Уфа, 2003. – 48 с.

Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 299-325.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1992. – 147 с.

Персидские народные сказки. – М.: Наука, 1987. – 504 с.

Пестрикова В.И. Курганный могильник у совхоза «Солнечный» // Научные труды Куйбышевского ГПИ. – Т. 220: Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. – Куйбышев, 1977. – С. 72-81.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобоя. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Пряхин А.Д. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. – Кн. первая – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 1993. – 108 с.

Ромашко В.А. Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – С. 79-91.

Самар В.А. Курган срубного времени из Приазовья // ДСПК. – Т. II. – Запорожье, 1991. – С. 125-136.

Самар В.А. Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурной общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 75-83.

Синюк А.Т., Пряхин А.Д., Чекменев Ю.А. Туровский культовый комплекс эпохи бронзы // Археологические памятники Восточной Европы. – Вып. 12. – Воронеж: Изд-во Ворон. гос. пед. ун-та, 2006. – С. 104-111.

Сказки народов Памира. – М.: Наука, 1976. – 536 с.

Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. – М.: «Восточная литература» РАН, 1997. – 279 с.

Сорокина И.А. Курганные могильники низовьев р. Сал в срубное время // Древности Дона. – М.: Наука, 1983. – С. 198-222.

Стоколос В.С., Стоколос Г.И. Кизильский курганный могильник эпохи поздней бронзы на р. Урал // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1: Исторические науки. – № 2. – Челябинск, 2004. – С. 237-256.

Тихонов В.Г. Третий старотойденский курган // КСИА. – 1971. – № 127. – С. 86-92.

Труды Новочеркасской археологической экспедиции / Сост. И.Н. Парусимов. – Вып. 4. – Азов, 1999. – 85 с.

Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // Изучение памятников археологии Павлоградского Прииртышья. – Вып. 2. – Павлоград, 2006. – С. 70-80.

Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. – М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

Халецкая О., Костюк А. Краткая информация о результатах охранных археологических исследованиях кургана на территории Донецкого аэропорта // Південно-Східна Україна: зі стародавності у ХХІ сторіччя: матер. та тез. П'ятої Всеукраїнська краєзнавча конференція учнівської молоді. – Донецьк, 2009. – С. 31-33.

Халяпин М.В., Богданов С.В. Погребальные памятники эпохи бронзы с территории оренбургского Приуралья. – Вып. III. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – С. 75-104.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. – Донецк, 2004. – 204 с.

Цимиданов В.В. Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // МДАСУ. – № 5. – Луганськ, 2006. – С. 193-214.